

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Магазин

Timeo Danaos et dona ferentes — Бойтесь данайцев, дары приносящих. Латинская крылатая фраза, впервые встречающаяся в поэме Вергилия «Энеида». Употребляется в случае, когда некий подарок или благодеяние представляют потенциальную опасность для принимающего эту сомнительную помощь. (википедия).

... Я находилась в кабинете хозяйки универсального магазина и в данный момент пребывала в крайне неудобном положении. Я и представить себе не могла, что подобная поза возможна. Оказывается, ещё как возможна. Если в совершенстве владеть камасутрой. Мои плечи и голова были на полу, а нижняя часть спины вместе с ягодицами висела в воздухе. Мышцы от непривычных нагрузок ныли и задеревенели, и я была на пределе физических возможностей. Голени мои находились высоко на диване и были плотно к нему прижаты. Расположившись удобно, всем своим весом, на них сидела Елена Васильевна, хозяйка магазина и надёжно сжимала мои бёдра между коленей. Чтобы придать стабильность своему положению, я вынуждена была крепко держаться за её голени, облачённые в дорогие кожаные сапожки. Ну а сверху на мне сидела полная кассирша Света, заблокировав мою голову между бёдер. Она была без трусов, и я старательно делала ей куннилингус.

Методично ёрзая на мне сверху, она стонала и прижимала мою голову к себе. А Елена Васильевна пальцами одной руки максимально раздвинула мне вход во влагалище, ну а пальцы другой стимулировали мой клитор. Мастерски. Как геймер экстра-класса с лёгкостью проходит уровни сложной стратегии, ловко управляясь с джойстиком, она вытворяла с моим клитором и того похлеще. Она знала абсолютно все эрогенные зоны и умела так прижимать и надавливать на нужные точки, что доводила меня до полного иступления. Кончики пальцев в каком-то сложном ритме нежно скользили с филигранной точностью и давили туда, куда положено. И как положено. Я и в мыслях не допускала, что такое сказочное наслаждение может получать человеческое тело. Сколько раз я кончила? Много. И каждый раз, когда меня сотрясал очередной оргазм, я считала, что вот она, последняя черта и предел моего блаженства. Оказывается — нет! В руках Елены Васильевны получит наслаждение даже бревно, и даже в том случае, если этого никак не пожелает.

В жизни случается всё. И падения, и взлёты. Говорят, что жизнь полосата. Вот только ко мне это определение почему-то никак не относится. Одна сплошная и бесконечная чёрная полоса. Когда-то давным-давно, семь лет назад, когда я сюда приехала, всё складывалось хорошо и перспективы были очень даже радужные. После окончания колледжа мне удалось устроиться в строительную компанию рекламным менеджером. Зарплата меня более чем устраивала и со временем я оформила в кредит ипотеку. Однако моё благополучие в один прекрасный момент закончилось. Доллар взлетел в заоблачную высь и продажи недвижимости резко упали. Конкуренты проглотили нашу фирму и новое начальство меня попросту сократило.

Помыкавшись два месяца, я устроилась кладовщиком в компанию по перевозкам и получала уже намного меньше. Затянув пояс, я всё же продолжала оплачивать кредит за свою студию, и часто работала сверхурочно. Но и это продлилось недолго. Кризис заканчиваться никак не хотел, и компания, в которой я работала, приказала долго жить. Так я осталась не у дел. Сбережений не было, и после выплаты небольшой компенсации, меня выперли из моей тесной каморки практически на улицу. Лишившись прописки, я стала бомжем и официально

работать уже не могла. На средства от компенсации я сняла комнату на окраине, и устроилась работать в частный магазин уборщицей. Да, самой простой уборщицей, и платили мне теперь сущие копейки. Радужных перспектив впереди уже не маячило, и я ревела по ночам как белуга. А утром отпраивлялась в магазин к своей швабре, венику и тряпкам.

В силу постоянной занятости удачно выскочить замуж я не успела, и как только я перестала нормально зарабатывать, мой гражданский муж тут же меня бросил. Со временем я продала всё, что имела. Машину, золотые кольца и цепочки, и затем уже шубу и кожаную куртку. Когда продавать стало нечего, на меня накатила депрессия. Что я здесь делаю? Какого чёрта я продолжаю тут торчать? И я всерьёз подумывала о том, чтобы перебраться назад в глухую деревню, откуда когда-то семь лет назад приехала покорять первопрестольную, и заселиться в покосившуюся халабуду, доставшуюся от родителей в наследство. Такая перспектива меня совсем не радовала. Вернуться обратно в дыру, откуда все давно сбежали, и оставались лишь престарелые, никому не нужные бабушки-пенсионерки и законченные алкоголики.

Я продолжала работать уборщицей, и никакого смысла в своей жизни уже не видела. Тем не менее, я была всё ещё молода, мне не было и тридцати, и мне не хотелось возиться со швабрами. Я оказалась в глухом тупике, и выхода из сложившейся ситуации не видела. Похоронить себя в тряпках и вёдрах, или в глуши на своих шести сотках? Без света, без газа, вдали от цивилизации. Зато террористов там нет — успокаивала я себя, но утешение это, мягко говоря, было смешным и глупым. Вот такой выбор стоял передо мной на данный момент. Деньги от выплаты компенсации за утраченное жильё заканчивались, и оплачивать съёмную комнату было уже нечем. Оставалось паковать манатки, и уматывать в свою дыру. Но я продолжала хвататься за соломинку. На что рассчитывала? Сама не знаю.

... Наутро, придя как обычно в магазин, я переделалась и пошла в подсобку. Надев перчатки и халат, я взяла ведро и швабру и отправилась в зал, где покупателей ещё не было. Я намывала полы с хлоркой, когда передо мной выросла фигура хозяйки магазина. Странно. Обычно она всё время проходила мимо, никогда не здоровалась и, задрав нос, отворачивалась. Я успела изучить её короткую дорожную дублёнку, стройные ноги в лайковых колготках и дорогие облегающие кожаные сапожки саламандра на низкой шпильке. Сорокалетняя хозяйка вела себя надменно и разговаривала с видом благодетеля, одаривающего манной небесной. Она прекрасно знала, что работаю я за копейки и деваться мне некуда. Продавцы и кассиры вели себя со мной примерно так же. Молодые и упитанные девахи смотрели на меня свысока. Мой труд они не ценили и ноги никогда не вытирали. Вот и сегодня, намывая полы, я услышала как хлопнули входные двери на пружинах и послышался чёткий и размеренный стук каблучков. Понятно, королева заявила. Но на этот раз она задержалась и остановилась возле меня.

— Здравствуйте, Елена Васильевна — проговорила я и разогнула спину.

— В согнутом положении ты мне нравишься больше — сказала начальница, проигнорировав как обычно моё приветствие. Она любила говорить всякие гадости, подчёркивая тем самым своё превосходство. Так она вела себя почти со всем персоналом и заискивала только перед какой-нибудь комиссией с проверкой.

Елена Васильевна наступила ногой на швабру и продолжала говорить.

— Брось свои тряпки и через пять минут зайди ко мне. Тебе ясно?

Такого раньше не было, и я резонно посчитала, что визит к ней ничего хорошего не сулит.

— Я поняла, Елена Васильевна, только вёдра унесу, а то кто-нибудь перевернёт.

Развернувшись на каблуках, она потопала к себе в кабинет.

Я стояла перед столом начальницы и молча ждала, опустив руки, пока она трепалась по телефону. Наконец, наговорившись, она смерила меня долгим тяжёлым взглядом.

— Итак, что же мне с тобой делать?

— Я не поняла, я что, плохо работаю?

— Да что ты? Ты не понимаешь, что ты здесь нелегально, незаконно, неофициально, и я должна тебя вообще-то вышвырнуть вон. Но я почему-то тебя здесь держу. Благодарность-то где?

— Я благодарна.

— Какая ты тупая. В общем так, царевна-несмеяна, мне надоело ждать, когда ты невинность из себя корчить перестанешь.

— Я не понимаю, что вы от меня хотите.

— Она не понимает, что я от неё хочу.

Елена Николаевна встала и вышла из-за стола. Медленно цокая шпильками она уселась на диван, закинув ногу на ногу, обнажая при этом стройные ноги. Уставившись на меня, она плавно покачала ногой и спросила:

— Нравятся?

— Что нравится — проговорила я пересохшим языком и наконец поняла, чего хочет от меня эта наглая особа.

Всё ясно. В такой вот откровенно хамской форме она склоняет меня к лесбийскому сексу, прекрасно понимая, что прав у меня никаких нет. И деваться мне попросту некуда. Противно и мерзко.

Я вновь посмотрела на неё. Вообще-то она очень даже ничего в свои сорок лет, ледяная красавица, но как мне пересилить себя и переступить через свои моральные принципы, чтобы заняться с ней любовью. Да и не факт, что мне это понравится. А если мне совсем противно станет и стошнит? Тогда я прямо на неё наблюдаю. Но другие же как-то этим занимаются? И мужчин любят, и женщин тоже.

— Гринёва, иди сюда по доброму, иди ко мне — и она поманила меня пальцем — обещаю, больно не будет, потом спасибо ещё скажешь. Я денег дам.

Я же стояла как вкопаная и молчала.

— Я блядь к кому обращаюсь? К стене? Ты хочешь, чтобы я встала? Ладно...

Она набрала сотовый и сказала:

— Света, ну-ка зайди. Я сказала, брось свою картошку и мигом сюда. Да, как мы с тобой вчера договорились.

— Елена Васильевна, я уйду и больше не приду, мне не надо никакого выходного пособия. Я повернулась и, снимая халат, направилась к выходу. Не успела. Передо мной выросла эта толстуха Света и загородила собой выход.

— Света, давай! — сказала Елена Васильевна.

Опомниться я не успела. Света молча внезапно хлопнула меня по щеке ладошкой и я от неожиданности отпрянула. В следующий миг её кулак врезался в мой живот. Меня скрутило пополам и Света деловито подтащила меня к дивану. Зайдя сзади, она обхватила меня рукой за шею и выпрямила. Своими коленками она слегка ударила меня сзади под мои колени. Ноги согнулись и я оказалась на полу. Зажав мне рукой рот, Света уселась на меня верхом, а Елена Сергеевна затащила мои ноги на диван. Достав откуда-то острую пилку для ногтей она одним

движением разрезала на мне трусы и тут же её руки запорхали у меня между ног. Я сопротивлялась как могла, но зажата была крепко и буквально через полминуты почувствовала парализующее блаженство, предательски растекающееся по всему телу.

— Готова, Елена Васильевна, она теперь полностью наша — сказала Света и отпустила мой рот — всё, она не закричит.

— Я знаю, за кого ты меня принимаешь — деловито произнесла начальница, проникая в меня всё глубже.

Всё верно, кричать я больше не хотела. А хотела я того, что они со мной делали. К моему стыду. Я и не заметила, как начала стонать. Они меня трахали и применяли какую-то неведомую мне технику. Ещё и ещё. Когда руки и ноги окончательно перестали меня слушаться, наглые девицы меня отпустили и Елена Васильевна прижала мою голову к себе между ног. Теперь я стояла на коленях перед диваном и была между ног начальницы.

— Надеюсь, ты запомнила мои ласки — сказала она — теперь точно так же мне языком — и она прижала меня к своей промежности.

А Света бесстыже пролезла ко мне между ног, крепко обняла за талию и начала мне тоже отлизывать. Мне казалось, что я уже полностью истощена, но опять глубоко ошибалась. И я ласкала и лизала, и мне ласкали и лизали. Я заводилась заново и желание снова овладело мной. Я снова обильно потекла и удивлялась, откуда оно уже там берётся. Я вспоминала на ходу стимуляции Елены Васильевны и как могла, старалась повторить её движения своим языком. Наверное, получалось. Потому что начальница звонко стонала. И раз за разом кончала.

Рано или поздно, но всему приходит свой конец. Натрававшись со мной под самую завязку, они наконец меня отпустили.

— Вот это я наеблась — удовлетворённо сказала начальница и переступила через меня, цокнув каблукчиками — Света, мне ехать надо, а ты проследи за ней, как очухается, на сегодня и завтра я её отпускаю. Пусть отдохнёт. Послезавтра чтоб вовремя была на работе, я сама с ней займусь любовью. Языком у неё получается лучше, чем со шваброй. Хи-хи!

— Я всё поняла, Елена Васильевна.

Начальница нагнулась надо мной и что-то сунула хрустящее мне в карман рабочего халата. Дружески похлопав меня по щеке, она игриво покачала головой и сказала:

— М-ммм! Ты просто прелесть! Света — она погрозила пальцем — не вздумай её трогать без меня.

Каблукчики процокали в последний раз и дверь хлопнула. Я зашевелилась и медленно поднялась. Я сидела на полу и всё моё бедное тело болело и ныло. Между ног некомфортно пекло, а расцарапанный язык опух и болел. Я подняла взгляд и увидела Свету, сидящую на диване. Она похабно улыбалась и жадно пялилась на меня. И тут я горько заплакала. Медленно поднявшись, я кое-как добралась до стула и села. Света молчала и ждала, пока я нарыдаюсь. Как так получилось, что они таким вот похабным образом мною воспользовались. Спланировали заранее, как пить дать. И не нужна им уборщица. Им шлюха нужна. Бесправная шлюха. Дома их мужья трахают что-ли недостаточно, или вовсе не трахают? А может экзотики захотелось? Накинулись как с голодного края. Чем я их таким привлекла? Боже, как болит всё. Будь оно проклято.

Света куда-то полезла и достала бутылку с желтоватой жидкостью. Налив пол стакана, она поднесла его мне.

— На, пей виски, это хорошее виски, сразу полегчает.

Я молча приняла стакан и залпом выпила. Тепло тут же разлилось внутри меня и мне вправду стало лучше.

— Ну как, полегчало? — спросила Света.

— Да, намного.

— А сейчас похорошеет — сказала она и виляя бёдрами подошла ко мне.

Сунув руку мне под майку, она нащупала сосок на моей груди и стала его ритмично сжимать и разжимать. Она что, сдурела? Неужели не натрахалась? Сопротивляться уже не было сил и я тупо смотрела как она дразнит меня снова, лаская за грудь. И мне — похорошело. Знакомое возбуждение возвращалось и блаженство опять разливалось по всему моему плотскому нутру. Как же я плохо себя знала.

— Света, прошу, не надо уже, тебе же директриса запретила — сказала я вновь тяжёло дыша.

— Да, запретила, но ты ведь ей не расскажешь, никто не узнает, расслабься — она тоже тяжело дышала и уже второй рукой гладила меня по лицу — давай, ещё меня полюби. Я хочу тебя.

— Но у меня весь язык распух, я не могу уже.

— Вот и хорошо, что распух, ты даже не представляешь, как мне будет приятно. Ты ведь хочешь сделать мне приятно? Вижу, что хочешь.

Я продолжала сидеть как парализованная, и она, потеряв терпение, за волосы стянула меня на пол. Бесцеремонно прижав меня за волосы к себе снова, она приказала:

— Отлизывай, сука, если не будешь, придушу — и она положила руку мне на шею — и не вздумай сачковать, буду больно бить по щеке. В отсутствие Елены, я здесь рапоряжаюсь, и мне решать, отпускать тебя или нет, будешь рыпаться, позову Таню и Аллу и пушу тебя по кругу. Знаешь, что такое карусель большой любви? Так я тебе её сейчас живо устрою.

И вновь я принялась отлизывать. Мне было очень больно, но возбуждение нарастало и боль постепенно отступала. Применяя все приёмы, которым они меня сегодня обучили, я с новой силой исполняла куннилингус и Света подмахивала и стонала. Сачковать, как она сказала, я и не думала. И она в который уже раз бурно кончила мне на лицо. Отдышавшись, она погладила меня по щеке и молча сунула что-то в карман халата.

— Это тебе на пропитание, чтобы и дальше была паинькой. Заправься и умойся. Возле магазина стоит наша газель, я позвоню сейчас экспедитору, он отвезёт тебя домой. Поняла?

— Да.

— Всё, иди — и она взялась за телефон.

И вот я дома, в своей убогой комнатухе. Всё тело ныло и отзывалось болью при малейшем движении. И язык болел и отказывался шевелиться. Тем не менее, в карманах я нашла две купюры по пять тысяч. Они мне заплатили! Как паршивой проститутке! До чего же я докатилась. И вновь я горько разревелась. И поделом мне. Давно надо было сваливать отсюда куда-нибудь. Куда? Да куда угодно, хоть к чёрту на кулички. Наконец я уснула и проспала весь остаток дня и почти всю ночь. Утром я почувствовала себя гораздо лучше и стала собирать вещи. Не ахти какие деньги появились, но и такие я давно в руках не держала. Добравшись до автобусной остановки, я немного расслабилась. Телефон я предусмотрительно выключила и через несколько минут с чемоданом и сумкой через плечо, я села в маршрутку. Оказавшись на вокзале я сложила вещи в камеру хранения и прошла к кассам. Я стояла и изучала расписание движения поездов. Ну и куда я поеду? Ехать можно было повсюду. И никто нигде

меня не ждал. Нет, в одном месте всё-же ждали. В магазине. Сев на скамейку, я опустила голову и снова разрыдалась. Наплакавшись вволю, я забрала вещи и вышла из помещения вокзала. Пройдя мимо сидевших неподалёку бомжей и распивающих с утра какую-то дрянь, я вдруг подумала, что от них отличаюсь лишь внешним видом, ну а по статусу ведь я такая же точно как и они, а внешний облик — дело наживное. Ускорив шаг, я снова пришла на автобусную остановку. Я возвращалась. Когда я приехала обратно, первым делом отыскала хозяйку съёмной квартиры и рассчиталась за комнату на месяц вперёд. Денег больше не осталось. Да и хрен с ними. Теперь я знала, как их заработать.

Наутро следующего дня я была как обычно в магазине на своём рабочем месте. В перчатках и халате, я махала шваброй и от меня распространялся свежий запах хлорки. Хлопнула входная дверь и послышался дробный стук каблучков. Передо мной появились стройные ноги в сапожках и я распрямилась, став в полный рост.

— Здравсьте, Елена Васильевна.

— Какого чёрта ты тут опять делаешь, у тебя что, с головой что-то не так? Ты тупая, да?

— Я не понимаю.

Елена Васильевна вдруг взяла меня под руку и провела в свой кабинет. Усадив меня на диван, на котором ещё позавчера она меня беспощадно трахала, она спросила:

— Кофе будешь?

— А-а да, то есть нет, спасибо.

— Гринёва, не строй из себя дуру. У тебя плохо получается. С сегодняшнего дня ты мой секретарь-делопроизводитель, это штатная должность, а со временем станешь моим замом, чсобы я рядом со шваброй тебя больше не видела. Тебе хоть одеться есть во что?

— Нет, я почти всё распродала.

— Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, сегодня хорошо.

— Тогда сейчас поедем со мной на моей мшине и приоденем тебя.

— А-а, может не надо?

— Надо, Гринёва, надо. Ну иди же ко мне! Долго меня мучить-то будешь? Поцелуй меня!

Я медленно сняла перчатки и рабочий халат.

Я подошла к Елене Васильевне и приблизилась к её лицу.

Я прикоснулась к губами к её щеке и тут же жадно впилась в её губы. Между ног привычно потекло и Елена Васильевна, тяжело дыша, потащила меня на диван...

ARHIMED